

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(398.9+355)

ФРАКИЙЦЫ КАК ПОДДАННЫЕ АХЕМЕНИДОВ (по данным персидских источников)

Т. Ю. Шашлова

Саратовский государственный университет
E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

В данной работе к исследованию фрако-персидских отношений на рубеже VI–V вв. до н. э. привлекаются происходящие из Персеполя хозяйственные архивы времени Дария I. В статье анализируется персидское этническое наименование Skudra и возможность его применения к народам европейской Фракии, часть которых была покорена Дарием во время скифского похода. Далее приводятся содержащиеся в крепостном архиве Персеполя сведения о фракийских работниках и анализируется правовое положение их в царском хозяйстве.

Ключевые слова: Skudra, фракийцы, таблички крепостной стены, работники царского хозяйства.

The Thracians as subjects of the Achaemenids according to Persian sources

T. Ju. Shashlova

In this work to the study of Thracio-Persian relations at the turn of the VI–V centuries BC involved originating from Persepolis household archives of time of Darius I. The article analyzes the Persian ethnic name Skudra and the possibility of its application to peoples European Thrace, part of which was conquered by Darius during the Scythian campaign. Then provides specific information about the Thracian workers contained in the Persepolis fortification archive, and analyzes the legal status of them in the Royal household.

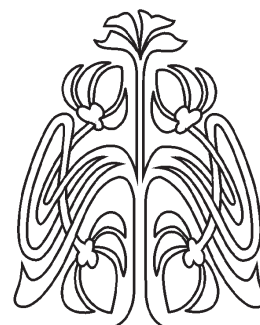
Key words: Skudra, thracians, persepolis fortification tablets, the workers of the king economy.

Вопрос о фрако-персидских взаимоотношениях и, в частности, о подчинении Фракии Ахеменидам в конце VI – начале V в. до н. э. традиционно рассматривается с точки зрения греческих источников. Главным нарративным трудом, освещающим эти события, является рассказ Геродота¹. Персидские же источники для изучения этого вопроса привлекаются значительно реже. Объясняется это как малым их количеством, так и невысокой их информативностью. Чаще всего они лишь вскользь упоминаются². Персидские источники, в которых упоминается Фракия, представлены следующими надписями, скульптурами и барельефами:

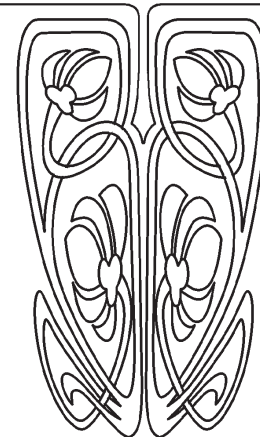
- 1) царские надписи Ахеменидов (DSe, DSm, DNa, XPh)³;
- 2) рельефы на гробнице Дария I в Накш-и Рустаме⁴;
- 3) статуя Дария египетского происхождения, найденная при раскопках в Сузах⁵;
- 4) хозяйственные архивы из Персеполя, обнаруженные экспедицией Восточного института Чикагского университета в 1930-х гг.

Целесообразно обратить внимание на последнюю группу источников, обычно не очень активно привлекаемую к исследованию этой темы⁶.

Хозяйственные архивы из Персеполя представлены двумя группами документов, получившими условные названия по месту их обнаружения «таблички крепостной стены» и «документы сокровищницы». Это две сходные по типу группы документов, различающиеся лишь рядом мелких деталей. Это, в первую очередь, время,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

к которому они относятся. и зафиксированные в них операции. Таблички крепостной стены датированы 509–494 гг. (13–27 гг. правления Дария I). Они документируют деятельность царского хозяйства на значительной территории Персиды и Элама и фиксируют разнообразные операции (документы о транспортировке грузов, о выдаче жалования чиновникам и продовольствия работникам, расписки об уплате налогов и служебную переписку высокопоставленных чиновников). Документы сокровищницы относятся к 492–458 гг. до н. э., охватывают территорию Персеполя и его окрестностей и представляют собой расчетные документы между дворцовой сокровищницей и дворцовыми складами, откуда отпускались продукты.

Издание табличек крепостной стены принадлежит Р. Халлоку⁷, сокровищницы – Дж. Камерону⁸. Обе группы документов изданы фрагментарно. Халлоком было переведено и опубликовано 2120 документов из общего массива в 12000⁹ целых текстов и фрагментов. Он также перевел еще 2699 текстов, но они остались не изданными¹⁰. В 2000-х гг. работы по изучению, переводу и публикации этих текстов, а также оттисков печатей на них вновь возобновил Восточный институт Чикагского университета¹¹. Около 300 текстов издал иранский исследователь Абдул Арфаеи¹².

В персепольской сокровищнице было обнаружено всего 753 таблички, но лишь около 200 из них сохранились хорошо. Дж. Камероном было издано 140 из них. Большую часть фрагментов, по-видимому, невозможно издать из-за отсутствия в них значительного связного текста¹³.

Многими исследователями признается, что найденные документы представляют собой лишь малую часть когда-то имевшихся архивов, документировавших деятельность громадного царского хозяйства. Предполагается, что значительная часть подобных архивов писалась на недолговечных материалах, потому и не сохранилась до нашего времени¹⁴. О фрагментарности найденных текстов свидетельствует и тот факт, что большая часть из них относится к 500–499 гг. до н. э. (22–23 гг. правления Дария), несмотря на то что весь архив охватывает период 509–494 гг. до н. э.

Количество документов, найденных в царской сокровищнице, значительно меньше, чем было обнаружено при исследовании крепостной стены в северо-западном углу персепольской террасы. В документах сокровищницы чаще всего указывается на ремесленную специализацию рабочих, и главным образом это были лиди, занимавшиеся отделкой и украшением помещений. П. Бриан объясняет это тем, что строительство дворцов к тому времени было по большей части завершено и там проводились уже только отделочные работы¹⁵.

Несмотря на то что в документах сокровищницы также указывается этническая принадлеж-

ность рабочих, фракийцы там не упоминаются вовсе. Однако это не может быть основанием для каких бы то ни было исторических выводов, поскольку найдена лишь часть архива, а годной для издания и перевода оказалась лишь четверть документов. Поэтому дальше речь пойдет лишь о первой (и наиболее многочисленной) группе персепольских архивов – документах, обнаруженных в крепостной стене персепольской террасы.

Фрагментарность издания этих документов в известной степени препятствует построению на базе имеющегося материала окончательных выводов. А те данные, которые из них можно извлечь, будут носить лишь приблизительный характер. Работники царского хозяйства, в числе которых упомянуты фракийцы, обозначены в этих документах словом «курташ», что представляет собой персидскую транскрипцию древнеиранского *grda, имеющее значение «домашний раб»¹⁶.

Письменная фиксация выдачи продовольствия таким работникам сопровождается указанием их этнической принадлежности. Они представлены народами из покоренных Ахеменидами стран: египтяне, вавилоняне, карийцы, каппадокийцы, согдийцы и другие (всего 26 этнонимов). Примечательно отсутствие среди них персов и арабов. Персы, как известно, были привилегированным народом, не платили податей и не участвовали в прочих повинностях по отношению к царю (так, они не принимали участия в строительстве дворца в Сузах, к которому привлекались жители многих стран державы). В нескольких документах упоминаются только персидские мальчишки-писцы. Аналогична и ситуация с арабами. Таблички крепостной стены ни разу не упоминают арабов в качестве работников, но зато там неоднократно фигурируют арабы-чиновники. Из греческих источников мы знаем, что арабы не были подданными персов, а только союзниками. Однако арабы присутствуют во всех без исключения списках стран Ахеменидов. Возможно, объяснение этому противоречию лежит в «имперском стиле» ахеменидских надписей, где в целях демонстрации величия и могущества державы союзные области указывались в качестве подданных.

Анализ упоминаний фракийцев в документах крепостной стены сопряжен с рядом трудностей. Во-первых, фрагментарность перевода текстов в известной мере препятствует построению на базе доступного материала окончательных выводов. Во-вторых, трудности проистекают из самого характера упоминаемого в них этнонима *Iškudra*.

Отождествление его с Фракией основывается на упоминании страны с таким названием в списках подвластных стран, при этом страна неизменно локализуется на крайнем северо-западе империи, в одном географическом регионе с Ионией и Лидией. Другим исходным пунктом отождествления являются фигурки с изображе-

ниями представителей подвластных народов на статуе Дария из Суз и на его гробнице в Накши-Рустаме. Каждая такая фигурка сопровождалась подписью, где указывается, представитель какого это народа, а также детальной прорисовкой особенностей костюма и вооружения. Это дало возможность сопоставить эти изображения с имеющимися сведениями об одежде и вооружении фракийцев.

Вторая трудность отождествления страны Skudra с европейской Фракией проистекает из существовавшего разделения фракийцев на европейских и азиатских. Подобное разделение встречается у Геродота (VII, 75), где он, перечисляя состав войска Ксеркса, упоминает только азиатских, но не европейских фракийцев. Поясняет он это так: «после переселения в Азию это племя получило имя вифинцев, а прежде, по их собственным словам, они назывались стримониями, так как жили на Стримоне» (VII, 75). Сведения о подобной миграции приводит и Страбон (VII, 3, 2). К когда-то мигрировавшим фракийским народностям он относит также мисийцев, фригийцев и ряд других мелких племен. Некоторые исследователи допускают возможность употребления в надписях и хозяйственных архивах Персеполя этнонима Скудра применительно к фракийцам азиатским¹⁷. На этот счет можно высказать ряд соображений.

Азиатские фракийцы, упомянутые Геродотом, проживали в анатолийских областях Мисии, Вифинии и Пафлагонии, к югу и востоку от Мраморного моря¹⁸. Все они когда-то были завоеваны лидийскими царями Гигесом, Ардисом и Крезом и вошли в состав персидской империи еще в составе Лидии. В то же время страна Skudra отсутствует в ранних надписях Ахеменидов (DB и DPe) и впервые появляется в списках стран, происходящих из Суз. Строительство Дарием дворца там ориентировочно относят к 518–512 гг. до н. э.¹⁹, что, в общем-то, укладывается в традиционную дату скифского похода Дария, во время которого, согласно греческой традиции, персами была подчинена часть европейской Фракии. В дальнейшем Skudra присутствует во всех без исключения списках. Подобная динамика позволяет предположить, что за этим словом в персидских источниках скрываются все же фракийские племена, жившие в Европе и покоренные Дарием ок. 512 г.

Далее отметим, что большое количество фракийцев, упомянутых в табличках крепостной стены, значительно превосходящее все другие национальности, не позволяет видеть в них лишь племена северо-западной Анатолии. В таком случае оставалось бы совершенно необъяснимым, почему людей из этого региона было призвано на работы в Персеполь намного больше, чем из всех остальных районов державы. Препятствует признанию за этнонимом Скудра жителей лишь северо-западной Анатолии и тот факт, что страна эта фигурирует в качестве отдельного народа

в надписях, причем появляется там не сразу, но затем присутствует во всех без исключения списках. Мы также не можем игнорировать показаний ряда греческих нарративных источников о завоевании Дарием некоторых прибрежных фракийских племен в Европе. Следует отметить, что ряд исследователей видят конечную цель похода Дария не в Скифии, а во Фракии, где персов интересовали фракийские золотые и серебряные рудники. Существует также точка зрения, что целью похода во Фракию было не только золото, но и дальнейшая территориальная экспансия персидской державы²⁰.

Но в то же время факт миграции части фракийских племен в Азию, сохранение между обеими группами многих родственных черт отрицать не приходится. Наиболее приемлемым в согласовании этих данных кажется предположение В. Хенкельмана о том, что этническое наименование Skudra могло быть сначала применено персами к жителям северо-западной Анатолии, когда они впервые столкнулись с этими народами, а затем распространено и на ряд родственных им фракийских племен, проживавших в Европе и покоренных Дарием²¹. Именно такое расширение этого термина на европейские племена позволяет объяснить столь значительное их количество в архивах Персеполя. Скорее всего, это были военнопленные, захваченные Дарием, о чем речь пойдет ниже.

Наконец, встает вопрос о том, какие именно племена европейской Фракии были покорены Дарием и, следовательно, в качестве военнопленных могли быть уведены вглубь Персии. Анализ названий покоренных Дарием племен, приведенный Геродотом, позволяет заключить, что царь шел прибрежным путем, через современную Добруджу (IV, 93; см.: прим. 65). В то же время Геродот сообщает, что Дарий покорил племена гетов, не желавших ему подчиниться (IV, 93). Несомненно присутствие персов и в областях южной Фракии, где ими был построен город Дориск, который персы удерживали очень долгое время (Hdt. V, 98; VII, 105–106). После бегства Дария из Фракии Мегабиз, оставленный им у Геллеспонта (Hdt. IV, 144), «повел войско через Фракию и покорил царю все города и народности вдоль побережья» (Hdt. V, 1–2). Таким образом, в основном речь идет о прибрежных зонах, близких к проливам, а также о гетах, живших ближе к Дунаю, которых Дарий после покорения присоединил к остальному войску (Hdt. IV, 97).

В табличках крепостной стены фракийцы упоминаются, по меньшей мере, в 78 документах²². Иногда это небольшие группы (24–28), а иногда довольно крупные партии в 150, 220 и даже 520 человек. Общая суммарная их численность в числе работников царского хозяйства относительно велика – свыше 6000 человек. Это на порядок выше численности ионийцев и каппадокийцев, например. Во всех случаях фракийцы

упоминаются в числе простых работников, которым выдавались стандартные объемы зерна, пива и прочих продуктов в качестве продовольствия. Иногда они получали дополнительные, бонусные рационы, такие как сезамное масло и даже мясо, выдававшееся очень редко. Роженицы получали еще и пособия на детей, т.н. «материнские рационы» (№ № 0064, № № 2227). Несмотря на то что в документах нередко указывается профессия таких работников (ювелиры, каменотесы, пекари и пр.), для фракийцев она указывается нечасто. В основном это неквалифицированный труд: пастихи, сборщики зерна, конюхи и даже виноделы.

Впервые в опубликованных документах крепостной стены фракийские работники появляются в 504 г. до н. э. (18 г. правления Дария), самый поздний год, под которым они упомянуты – 498. Наиболее часто они фигурируют в ведомостях за 500–499 гг. (23–22 гг. правления Дария). Чаще всего группы фракийских работников фигурируют в разных местностях и под начальством разных чиновников. Наибольшая их концентрация наблюдается в местности *Fahliyān*. Относительно мало их в Персеполе и близких к нему территориях²³. Точное их число в каждой местности даже в пределах опубликованных документов, подсчитать трудно, поскольку группы работников не были постоянными единицами. Они могли делиться, дробиться, соединяться, работников перебрасывали из одной местности в другую.

В половозрастном соотношении фракийские работники представлены примерно равным количеством мужчин и женщин, несколько реже упоминаются дети. В ряде случаев количество мужчин и женщин совпадает (PF 851, 852), что М. А. Дандамаевым интерпретируется как семейные пары²⁴. Иного мнения придерживается П. Бриан, полагая, что семьи таких рабочих, наоборот, разрывались²⁵. Дети упоминаются чаще вместе со взрослыми, но иногда отдельно (PF 1946, 1947, 1954). В последнем случае речь идет, видимо, о подростках.

Особого внимания заслуживает вопрос о юридическом статусе фракийских работников в персидском царском хозяйстве. На базе имеющегося материала однозначный ответ на этот вопрос дать сложно. М. А. Дандамаев указывает на неоднородность правового положения работников царского хозяйства (курташ), выделяя в них три основные группы: военнопленные рабы, свободные, работавшие добровольно за плату, и лица, отбывающие трудовую повинность в стане царя²⁶.

Из источников нам известно, что Ахемениды уведили в рабство население покоренных областей и областей, поднимавших восстания (Кир II велел продать в рабство соседнее с Лидией прибрежное население (Herod, I, 56), Камбис угнал в Азию для сооружения дворцов египетских ремесленников (Diod. I, 466 4)). Предположение о наличии трудовой повинности покоренного населения в отношении царя основывается на

привлечении ряда вавилонских документов, где встречаются сведения об отбытии вавилонянами такой повинности в течение года²⁷. 18 народов персидской державы в той или иной форме принимали участие и в строительстве дворца Дария в Сузах (DSf, DSaa, DSz).

К какой из указанных групп могли принадлежать фракийцы – судить трудно. Наиболее вероятным представляется видеть в них военнопленных или людей, отбывавших трудовую повинность. Рассмотрим оба варианта.

Трудовая повинность в отношении персидского царя известна двух видов: разовая (строительство дворцов (DSf)) и регулярная, в течение года (предполагается на основании данных некоторых вавилонских документов). Среди работников, принимавших участие в строительстве дворца Дария в Сузах, фракийцев нет. Впрочем, это может объясняться и тем, что дворец был построен до завоевания Фракии (его строительство относят к 518–512 гг. до н.э.). Представить себе фракийцев среди людей, отбывавших годовую трудовую повинность в Персии довольно трудно. Наша информация о существовании такой повинности происходит из Вавилонии. Вавилония – страна, относительно близко расположенная к центру державы, имевшая свою развитую государственность. Ряд вавилонских документов фиксирует выдачу торговыми домами денег взаймы населению для уплаты податей царю. Можно предположить, что персидский контроль был там довольно сильным. С Фракией же все обстояло совершенно иначе. Она была отдаленной периферийной областью, которая не имела еще своей государственности и неоднократно выпадала из-под персидского контроля.

Поэтому более вероятным представляется видеть во фракийцах в Персеполе военнопленных, а не отбывавших трудовую повинность. Как известно, во время скифского похода Дарий покорил ряд фракийских племен (Hdt. IV, 89–93). Племена, жившие близ Геллеспонта, были завоеваны Мегабизом уже после бегства Великого царя (Herod, IV, 143–144). Если верить Геродоту (IV, 97), покоренные Дарием геты были включены в состав персидского войска.

Учитывая это, а также многочисленные примеры, когда Ахемениды поработали жителей завоеванных территорий, можно предполагать, что в ходе скифского похода в рабство было уведено и некоторое количество фракийцев из прибрежных областей. Впоследствии они появляются в хозяйственных архивах Ахеменидов в качестве работников царского хозяйства под наименованием *Skudra*.

Примечания

¹ См.: Геродот. История в девяти книгах / пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.

- ² Напр.: *Gergova D.* Orphic Trace and Achaemenid Persia // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers. Aarhus, 2010. P. 68; *Rehm H.* The Impact of the Achaemenid on Thrace : A Historical Review // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers. Aarhus, 2010. P. 147.
- ³ *Kent R. G.* Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1953; *Lecoq P.* Les inscriptions de la Perse achéménide. P., 1997.
- ⁴ *Schmidt E. F.* Persepolis. Vol. III. The Royal Tombs and Other Monuments. Chicago, 1970.
- ⁵ *Roaf M.* The Subject People on the Base of the Statue of Darius // CDAFI. 4. P. 73–160.
- ⁶ Единственная работа, специально посвященная этому вопросу, вышла совсем недавно: *Henkelman W. M., Stolper M. W.* Ethnic Identity and ethnic labelling at Persepolis: the case of the Skudrians // Organisation des pouvoirs et contacts culturels dans les pays de l'empire Achéménide (Persica 14). P., 2009. P. 272–329.
- ⁷ *Hallock R. T.* Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969; *Idem.* Selected Fortification Texts // CDAFI. 8. P. 109–136.
- ⁸ *Cameron G. G.* Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948; *Idem.* Persepolis Treasury Tablets Old and New // JNES. 1958. № 17. P. 161–176; *Idem.* New Tablets from Persepolis Treasury // JNES. 1965. № 24. P. 167–192.
- ⁹ *Henkelman W. M., Stolper M. W.* Op. cit. P. 272.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 272.
- ¹¹ URL: <http://oi.uchicago.edu/research/projects/pfa/> (дата обращения: 13.01.2014).
- ¹² *Arfaei A.* Persepolis Fortification Tablets: Fort. and Teh. Texts // Ancient Iranian Studies, 2008. № 5. Tehran.
- ¹³ *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 11.
- ¹⁴ *Briant P.* Histoire de l'Empire perse. De Cyrus à Alexandre. Winona Lake, 2002. P. 423.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 429.
- ¹⁶ *Дандамаев М. А.* Работники царского хозяйства в Иране в конце VI – первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1973. № 3. С. 17.
- ¹⁷ *Balcer J. M.* Persian Occupied Thrace (Skudra) // Historia. 37. P. 1–12.
- ¹⁸ *Rehm H.* Op. cit. P. 138.
- ¹⁹ *Chirschman R.* L'Apadana de Suse // Ir. An. 1963. Vol. III. S. 148 / цит. по: *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Указ. соч. С. 256.
- ²⁰ *Cawkwell G.* The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxford, 2005. P. 49.
- ²¹ *Henkelman W. M., Stolper M. W.* Op. cit. P. 299.
- ²² *Ibid.* P. 316–322.
- ²³ *Ibid.* P. 307.
- ²⁴ *Дандамаев М. А.* Указ. соч. С. 9.
- ²⁵ *Briant P.* Op. cit. P. 437–439.
- ²⁶ *Дандамаев М. А.* Указ. соч. С. 23. П. Бриан склоняется к тому, что они были, скорее, рабами: *Briant P.* Op. cit. P. 439.
- ²⁷ *Дандамаев М. А.* Указ. соч. С. 23.

УДК 94(3)(093)+929 Филосторгий

ИСТОЧНИКИ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ФИЛОСТОРГИЯ (Hist. eccl. I) В СОКРАЩЕНИИ ФОТИЯ

А. В. Зибаяев

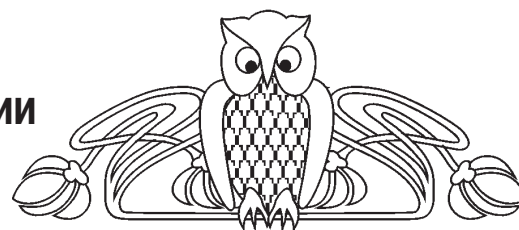
Саратовский государственный университет
E-mail: zibaew@mail.ru

В статье рассматривается проблема нарративных источников в «Церковной истории» греческого автора V в. Филосторгия. Он использовал не только тексты Священного Писания и церковных историков, но также панегирическую литературу и произведения языческих писателей поздней Античности. Широта источников и разнообразие методов работы с ними свидетельствуют о неординарности Филосторгия как церковного историка того времени. **Ключевые слова:** Филосторгий, Зосим, Евсевий Кесарийский, Лактанций, «Церковная история», письменные источники, евномиянство.

The Narrative Sources of Philostorgius' «Church History» (Hist. eccl. I) in Photius' Abridgment

A. V. Zibaev

This article is devoted to the problem of the narrative sources used in Philostorgius' «Church History». The Greek historian of the Fifth Cen-

ture had cited not only the texts of the Holy Scriptures and works of church historians, but also writings of panegyrist and pagan authors of the Late Antiquity. A lot of various sources was used and quoted in his history, his approaches to sources materials in his narration are diverse and sometimes unexpected, so that we can consider Philostorgius as an extraordinary church historian of his time.

Key words: Philostorgius, Zosimus, Eusebius of Caesarea, Lactantius, «Church History», written sources, eunomianism.

В современной историографии остается малоизученным творчество новоарианского (евномиянского) церковного историка V в. Филосторгия, каппадокийца по происхождению, писавшего на греческом языке. Его произведение используется исследователями для изучения религиозных и политических аспектов римской истории IV – начала V в.¹ Перед Филосторгием, который взялся осветить историю «правильной» евномиянской церкви и Римской империи в XII книгах, остро стоял вопрос об источниках для освещения событий от Константина Велико-